

Фразеологические выражения-пожелания зла в языке идиш

Кирилл А. Шишигин^{a, @, ID}; Кристина С. Лаухина^a

^a Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово

@ schischigin-ka@rambler.ru

ID <https://orcid.org/0000-0003-1889-0665>

Поступила в редакцию 01.12.2020. Принята к печати 22.12.2020.

Аннотация: Представлены результаты исследования языковых единиц идиша, используемых в качестве пожеланий зла, которые исходя из широкого взгляда на фразеологию рассматриваются как фразеологические выражения и микро-текст. При исследовании и описании материала применялись методы семантического и стилистического анализа, анализа словарных дефиниций и традиционный описательный метод. Цель – на материале идишских фразеологических выражений-пожеланий зла дать исследовательскую оценку некоторых актуальных вопросов фразеологии: описываются и на конкретных примерах иллюстрируются национально-специфические культурные, мифологические и / или религиозно обусловленные и общечеловеческие ценностные основания фразеологии, функции фразеологизмов, представлены существенные тематико-семантические (пожелания болезни, смерти, зла семье и зла как такового) и стилистические (лексические и грамматические) характеристики идишских фразеологических выражений-пожеланий зла. Показано, что в идише злые пожелания как специфическая компонента лексики мотивированы как общеизвестными, так и менее известными религиозными, историческими и культурными архетипами и сюжетами, что пожеланиями зла данные фразеологические выражения являются лишь по внешней и внутренней форме, но стилистически и прагматически представляют собой юмористические и саркастические фразеологические выражения-укоры междометного характера. Статья может найти применение при проведении дальнейших лингвистических, культурологических и лингвокультурологических исследований.

Ключевые слова: германские языки, еврейские языки, фразеология, язык и культура, категория «добро – зло», семантика, стилистика

Для цитирования: Шишигин К. А., Лаухина К. С. Фразеологические выражения-пожелания зла в языке идиш // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 4. С. 1152–1159. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-4-1152-1159>

Введение

Настоящая статья посвящена описанию результатов исследования языковых единиц идиша, используемых в качестве пожелания зла, которые мы рассматриваем как фразеологические выражения. Актуальность исследования обуславливается, в частности, несколькими проблемами и причинами.

1. Лингвистами до настоящего времени не решен вопрос, считать ли подобные языковые единицы (устойчивые выражения, пословицы, поговорки, крылатые слова и т. п.) фразеологизмами, т. е. фразеологией (и как раздел языкознания, и как фразеологический состав языка) и ее объем понимаются двояко:

а) в узком смысле: когда принимается, что во фразеологию входят и, соответственно, исследуются устойчивые словесные комплексы за исключением пословиц, поговорок, афоризмов, речевых штампов и т. п. Так, Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров отмечают, что последние «как знаки языка обладают собственной семантикой, своей спецификой, и поэтому их нельзя прямо отождествлять с фразеологизмами и тем более со словами» [1, с. 189];

б) в широком смысле: включая пословицы, поговорки, крылатые слова и т. п. [2, с. 560], данное понимание восходит к трудам В. В. Виноградова.

2. Не существует единой классификации и единой терминологии и единых критериев классификации фразеологизмов в любом их – узком или широком – понимании. Это обусловлено национальной спецификой языков, классификационными признаками, которые зависят от исследовательских целей и задач, а также от субъективного видения исследователями данной проблематики. Например, относительно классификации французских фразеологизмов Ш. Балли [3, с. 90–94] В. В. Виноградов отмечает, что его классификация чересчур схематична [4]; само же «В. В. Виноградова часто упрекают за отсутствие единого принципа классификации фразеологических единиц. Две первые группы – сращения и единства – отделяются друг от друга по признаку мотивированности фразеологической единицы, третья группа – фразеологические сочетания – по признаку ограниченной сочетаемости слова» [5, с. 13]. Что касается материала, анализируемого нами, то по классификации Ш. Балли он относится к фразеологическим единствам, а по В. В. Виноградову

его трудно классифицировать: идишские пожелания зла представляют собой либо фразеологические сращения, либо фразеологические единства.

3. Фразеологизмы, с одной стороны, национально специфичны, это «зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» [6, с. 9], с другой – если бы все фразеологизмы были культурно-специфичны, «было бы невозможно исследовать культурные различия» [7, с. 68].

4. Поскольку фразеологизмы представляют собой специфическую компоненту лексикона, то образуются они очевидно иначе, чем остальные единицы словарного состава языка. И этот вопрос обязательно встает при изучении и исследовании фразеологии родственных, контактных и культурно связанных языков и часто предполагает ее этимологический анализ. Такой анализ проводят в своих сопоставительных работах, в частности по германским языкам – Д. О. Добровольский [8]; по славянским языкам – В. М. Мокиенко [9]; по генетически разным, но лингвотипологически и культурно-типологически сходным языкам – Л. А. Григорьева [10] (английский – русский – арабский) и И. Гури¹ (идиш – иврит – английский – русский).

Цель статьи – на материале идишских фразеологических выражений-пожеланий зла дать исследовательскую оценку поставленных выше актуальных вопросов (1–3) фразеологии.

Методы и материал

При исследовании и описании материала применялись методы семантического и стилистического анализа, анализа словарных дефиниций и традиционный описательный метод. Материал был отобран приемом целенаправленной выборки из словарей И. Гури «Чтоб нам слышать только добрые вести. Добрые и злые пожелания в идише»² и «На кончике языка. 500 пословиц на идише»³.

В своей работе мы принимаем широкий взгляд на фразеологию и вслед за И. И. Чернышевой определяем исследуемый нами материал как *фразеологические выражения*, т. е. как «единицы, которые по своей грамматической структуре являются предикативными сочетаниями слов и предложениями» следующих разновидностей по их коммуникативной значимости (определение и классификация по [11, с. 45]):

а) пословицы: *nit alts vos glantst iz gold*⁴ – Не всё то золото, что блестит;

б) поговорки: *do ligt der hunt bagrobn* – Вот где собака зарыта;

с) устойчивые и воспроизводимые междометия и модальные выражения: *got bahit!* – Боже сохрани!

О. В. Бадер выделяет, кроме того, *единицы речевого этикета-благопожелания и единицы речевого этикета-пожелания зла* [12], которые можно рассматривать как четвертую разновидность фразеологических выражений.

Результаты

В конкретном языке, как отмечает В. Н. Телия, фразеологизмы возникают «на основе такого образного представления действительности, которое отображает обиходно-эмпирический, исторический или духовный опыт языкового коллектива, который безусловно связан с его культурными традициями, ибо субъект номинации – это всегда субъект национальной культуры» [6, с. 214].

В настоящей работе мы полагаем, что фразеологический состав всякого языка имеет три экстралингвистических ценностных основания, которые базируются не только на сугубо национальной культуре конкретного народа, но и связаны с ней и друг с другом:

а) *национально-специфические* культурные ценности и представления, «в большинстве фразеологизмов есть "следы" национальной культуры» [7, с. 82];

б) *мифологические и / или религиозно обусловленные* ценности и представления: «"религия и язык" есть особенно глубокая проблема, ...затрагивающая неосознаваемые, поэтому стихийные и влиятельные механизмы человеческой психологии и культуры» [13, с. 3]; так, «Писание глубоко входит в сознание народа, становясь исключительно устойчивой его частью. <...> проникает в язык – в виде пословиц, фразеологизмов, общепонятных образов и символов» [13, с. 270–271];

с) *общечеловеческие* ценности и представления, которые отражены в разных языках во многих фразеологизмах (и прежде всего в таких, которые описывают именно общечеловеческую ценностную оппозицию *добро – зло*).

Относительно складывания фразеологизмов как таковых (вне зависимости от конкретного языка и групп языков) В. А. Маслова отмечает, что «сначала в мире возникает некая прототипная ситуация, т. е. ситуация, соответствующая буквальному значению фразеологизма, например, человек, поскользнувшись, сел на калошу. За ней закрепляется содержание, которое затем переосмысливается, т. е. формируется образ фразеологической единицы на основе первичных значений слов в прототипной ситуации. Именно эти первичные слова оставляют в образе свой след. Так возникает внутренняя форма (ВФ), в которой и содержится основная информация, связанная с культурой. Культурную информацию можно получить из ВФ фразеологизма, ибо в ней наличествуют "следы" культуры – мифы, архетипы, обычаи и традиции, отраженные исторические события и элементы материальной культуры» [7, с. 84] (см. также [1, с. 190]).

¹ Guri Y. On the top of the tongue. 500 Yiddish proverbs. Jerusalem: The Hebrew University of Jerusalem, 2006. 250 p.

² Guri Y. Let's hear only good news. Yiddish blessings and curses. Jerusalem: The Hebrew University of Jerusalem, 2004. 280 p.

³ Guri Y. On the top of the tongue...

⁴ Здесь и далее используется идиш-английская научная транскрипция Исследовательского института идиша.

Понятия *добро* и *зло* и связанные с ними архетипы являются ключевыми в любой культуре и находят свою актуализацию в любом языке. Так, «этический характер еврейского монотеизма связан с утверждением <...> примата добра над злом. В книге Бытия каждый из актов творения сопровождается оценкой: "И увидел Бог, что это хорошо" (Быт. 1: 4, 10, 12, 18, 21, 25); "И увидел Бог все, что Он создал, и вот весьма хорошо" (Быт. 1: 31). Добро утверждается в качестве атрибута творения» [14, с. 363]. Тора уже своим началом, согласно одной из известнейших книг на идише «Цена-у-рэна» Яакова бен Ицхака Ашкенази (2-я половина XVI – начало XVII вв.), говорит о добре и зле: «почему Тора начинается с буквы *бет* и слова "*береши*" ("в начале"), ...хотя это вторая буква в алфавите? <...> поскольку с буквы *бет* начинается слово "*браха*" ("благословение"), а с буквы *алеф* начинается слово "*арур*" ("проклять"), Пресвятой выбрал букву *бет*, чтобы начать Тору» [15, с. 17].

Но не только религия и национальная специфика, но и, как указывалось выше, общечеловеческие ценности и представления формируют архетипы добра и зла: идишские «злые пожелания... отличаются от грозных библейских проклятий. По сравнению с проклятиями в Торе, которые угрожают тяжелыми бедствиями тем, кто не соблюдает верность Богу, злые пожелания в идише являются в основном выражением кратковременного, преходящего гнева»⁵ и в этом отношении имеют, скорее, междоветный характер.

Носители западногерманского идиома – языка идиш, безусловно, имеют свою культуру, которая, с одной стороны, существенно отличается от германской, но с другой – имеет с последней определенную и даже фундаментальную общность:

1) общее (релевантное для настоящей работы): а) иудаизм наряду с традиционным христианством (а также традиционным исламом) – авраамические религии; б) идиш – западногерманский язык; в) многовековое проживание ашкеназских евреев (носителей идиша) на одной лингвогеографической территории с немцами, австрийцами, швейцарцами и другими носителями немецкого и прочих германских языков;

2) различия (релевантные для настоящей работы): г) евреи генетически – семиты, ближневосточный народ; д) религиозно – иудеи.

К примеру, было доказано, что «представления о религиозных концептах, формирующих религиозные КМ носителей русского, английского и арабского языков, во многом совпадают, что подтверждает тот факт, что носители русского, английского и арабского языков являются последователями "авраамических" религий» [10, с. 12]. Это относится и к евреям, и главное в том плане, что в целом понятия о добре и зле у иудеев и христиан общие.

Важная характеристика фразеологических выражений, в том числе анализируемых пожеланий зла в идише, состоит в том, что они являют собой эквивалент целого рассказа

[1, с. 189], минимальный текст [16, с. 67], или микро-текст, который дает «все типы информации, характерные для отображения ситуации в тексте, но представленные во фразеологизмах в виде "свертки", готовой к употреблению как текст в тексте» [6, с. 8]. Микротекстовый характер фразеологических выражений позволяет, с одной стороны, исследовать их бесконтекстными методами, с другой – обуславливает одну из их функций, а именно *кумулятивную*, которая «свойственна, например, пословицам. Они являются обобщением жизненного опыта народа, опыта, который получил общественное признание и реализуется в речи в виде совета, предостережения и т. п.» [5, с. 60]. Фразеологические выражения, по нашему мнению, существуют в языке даже не как микротексты, но как тексты, а в речи используются именно как микротексты, направленные на реализацию определенных функций в дискурсе. При этом под дискурсом понимается «текст, взятый в событийном аспекте», или «речь... как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания. <...> речь, "погруженная в жизнь"» [17, с. 136–137], либо, можно добавить, текст, «погруженный» в культурный, исторический и т. п. нарратив.

Однако архетипы и история часто либо не осознаются носителями языков, либо их значение забывается, и тем самым фразеологизм теряет для носителей мотивированность – то, что Ш. Балли назвал «забвением смысла составных частей» фразеологизма: составляющие его «элементы утрачивают смысл, становятся непонятными» [3, с. 99]. Таким может быть, например, следующее злое пожелание: *farshribn zolstu vern tsum toyt* – Чтоб ты был вычеркнут из Книги жизни (букв. Чтоб тебя записали к смерти). Толкование, мотивировку данного фразеологического выражения можно найти в трактате «Рош-ха-Шана»: «Три книги раскрываются в день Нового года... одна для неисправимых грешников, другая – для безупречных праведников, и третья – для людей, занимающих промежуточное положение; <...> заслужили они [прощения] – запишут их к жизни, не заслужили – будут записаны к смерти» [цит. по: 18, с. 367]. Таким образом, письменная традиция – одно из средств реализации фразеологизмами их весьма важной кумулятивной функции (однако А. В. Кунин «помещает» эту функцию лишь четвертой по счету [5, с. 60], в то время как Е. М. Верецагин и В. Г. Костомаров – первой из двух [1, с. 191–194]).

С кумулятивной тесно связана *директивная* функция – «непосредственного управления поведением человека» [1, с. 193]. Реализация директивной функции речи через пожелание зла, безусловно, направлена на предотвращение действий адресата, нежелательных для субъекта пожелания, например, как в следующем фразеологическом выражении, используемом для пресечения определенных дискурсивно-речевых практик адресата: *dos moy! zol dir fun hintn shteyn!* – Заткнись! (букв. Чтоб твой рот находился сзади!).

⁵ Guri Y. Let's hear only good news... P. 18. Здесь и далее по тексту перевод выполнен авторами статьи.

Как явствует из приведенных выше фразеологических выражений, пожелания зла, как и любые фразеологизмы, выполняют и другие функции: **эмоционально-экспрессивную, экспрессивно-образную, функцию лаконизации речи** [5, с. 60; 19]. Идишские же «бренные выражения бывают порой довольно резкими», но и «весьма живописными и зачастую юмористическими»⁶: *aroysshlepn zol men dir di kishkes fun boykh un arumviklen zey ibern haldz* – Чтоб вытащили тебе кишки из живота и намотали их на шею; *a ruekh in dayn treyfenet pisk arayn* – Черт бы побрал твою некошерную морду (букв. Черт в твою тrefную морду). В данных пожеланиях экспрессивность достигается образно-дисфемистическим описанием смерти посредством словосочетания *aroysshlepn di kishkes fun boykh* (вытащить кишки из живота) и описанием неприязни к адресату пожелания посредством метафорического употребления существительного *ruekh* (черт) и прилагательного *treyf* (трефной) в сочетании с грубо разговорным существительным *pisk* (морда / рожа).

Эмоциональная, или эмотивная, функция является одной из базовых функций языка вообще наряду с коммуникативной и когнитивной [20, с. 564], т. е. язык наряду с информированием и познанием описывает эмоции человека и оценку им действительности. «Категория субъективной оценки – семантико-грамматическая категория, выражающая субъективную оценку говорящим предмета, признака предмета или признака действия и вносящая в основное предметное значение слова добавочные эмоционально-экспрессивные оттенки»⁷. Главная особенность оценки – присутствие в ней субъективного фактора [21, с. 22]. Так, в приведенных выше примерах субъект эмоционально, экспрессивно и лаконично дает негативную оценку адресату пожелания. Реализация эмоционально-экспрессивной, экспрессивно-образной и лаконической функций достигается использованием выразительных средств с отрицательной коннотацией в составе кратких фразеологических выражений.

Далее представлены некоторые существенные тематико-семантические и стилистические характеристики идишских фразеологических выражений-пожеланий зла. Для семантического анализа мы пользуемся следующими терминами семантических ролей (ср. [12, с. 19]):

- адресат пожелания (А) – получающий пожелание;
- квазиобъект пожелания (Q) – желаемый образ, а именно предмет, лицо, место или время, по отношению к которому адресату желается совершить действие либо в связи с ним испытать процесс или состояние;
- каузатор зла (С) – лицо, предмет или (сверхъ)естественная сила, выступающая в качестве источника или причины зла;
- субъект пожелания (S) – выражающий пожелание адресату.

При этом мы намеренно отказываемся от термина *объект пожелания* в пользу *квазиобъект пожелания*, поскольку анализируемые фразеологические выражения, как правило, не носят реалистичного характера.

I. Тематико-семантические характеристики

Несмотря на негативную семантику соответствующих языковых и речевых единиц, в том числе фразеологических выражений, в современных дискурсах (за исключением «специализированных» магических практик) злое пожелание через наименование конкретного зла и / или способов его причинения, безусловно, не имеет в себе ни магического смысла, ни, как правило, направленности на его реальное воплощение: «современные пожелания зла используются в состоянии аффекта для выражения резко негативного отношения к адресату (осуждения, негодования, презрения, ненависти и т. д.) ... Главная их прагматическая цель – выразить оценочную реакцию на ситуацию, а не способствовать реализации определенного действия и изменению реальности» [22, с. 175], они не содержат угрозы тем действием, процессом или состоянием, которое получает языковую актуализацию подобного рода фразеологическими выражениями. В идише, кроме того, многие злые пожелания пожеланиями зла являются только по внешней и внутренней форме, но стилистически и прагматически представляют собой юмористические и саркастические фразеологические выражения-укоры междометного характера, что усматривается даже без установления их мотивировки, например: *vifl yor du bist gegangen oyf di fis zolstu geyn oyf di hent un di iberike yorn zolstu zikh sharn oyfn hintn* – Сколько лет ты ходил на ногах, столько же чтоб ходил ты на руках, а оставшиеся годы чтоб ползал на заднице.

В связи с этим необходимо подчеркнуть, что в данной статье термин *фразеологические выражения-пожелания зла* используется нами в определенной мере условно – исходя из их внутренней формы. Анализ фактического материала позволил выделить следующие тематические группы фразеологических выражений-пожеланий зла в идише.

1. Пожелание болезни (*увечья, боли т. п.*)

а) с наименованием вида болезни (расстройства): *a kholere (C) dir (A) in die beyner / in kop (Q)* – **Холера** тебе в кости / в голову; *s'zol dir (A) vaksn a geshvir (C) oyfn pupik (Q)* – Чтоб у тебя вырос **чирей** на пупке; *ale beyze khaloymes (C) tsu dayn (A) kop (Q)* – Все **дурные сны** на твою голову. Наименованиям болезней в подобных фразеологических выражениях приписывается роль (в наших терминах) каузатора, т. е. причины зла, а наименованиям частей тела и внутренних органов – роль квазиобъекта пожелания, т. к. именно на них направлено злое пожелание⁸;

⁶ Там же.

⁷ Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1985. С. 105–106.

⁸ Далее в толкованиях в качестве метаязыковой условности мы используем предложения типа «Болезнь выступает в качестве причины зла, части тела – в качестве квазиобъекта пожелания».

б) как недомогания как такового: *arayntrogn zol men dikh* (A) *a krankn* – Чтоб внесли тебя **больного**; *di make* (Q) *zol men dir* (A) *orgeyn un tsurik kumen* – Чтоб **недут** у тебя кончился и вернулся.

2. Пожелание смерти

а) с наименованием причины (способа) смерти: *a shtrik* (C) *dir* (A) *oyfn haldz* (Q) – **Веревку** тебе на шею; *kush a ber* (C) *intern fartekh* – Поцелуй **медведя** под фартук»; *a shteyn* (Q) *zol fun dir vern* – Чтоб ты превратился в **камень**;

б) с отсылкой к традиции, религиозным представлениям и библейским сюжетам: *a kleyn kind zol nokh dir heysn* (A, Q) – Чтобы **нарекли** младенца **твоим именем** (букв. Чтоб маленького ребенка звали, как тебя); *aroyfslien zol bay dir* (A) *di neshome* (C) – **Душа** из тебя **вон** (букв. Чтоб у тебя душа вылетела); *homens gedule un koyrekhs nes* (C) *zol dikh* (A) *trefn* – Желая тебе **славы Амана и чуда Корея** (букв. Чтоб тебя настигла слава Амана и чудо Корея). Первое пожелание связано с тем, что «с IV в. до н. э. у евреев отмечается обычай почитания памяти умершего предка путем передачи его имени потомку, <...> не регламентированный религиозными предписаниями», а «ношение одних и тех же личных имен здравствующими членами одной семьи считалось... недопустимым» [23, с. 116]. Последнее пожелание может быть без мотивировки (сюжета) не понято как злое: Аман – символ антисемита, «глава министров царя Ахашвероша и жестокий притеснитель евреев, был повешен на дереве, предназначенном еврею Мордехаю»; Корей (Корах) «восстал против Моисея и Аарона, за что понес наказание – земля поглотила его вместе с племенем»⁹; мотивированность фразеологизма – во многом «культурное знание, [которое] "вылаивается" из внутренней формы фразеологизма потому, что в ней содержатся такие элементы, которые придают фразеологизму национально-культурный колорит. При этом они могут быть связаны с обиходно-эмпирическим опытом народа, со сферой материальной культуры, с историческим опытом народа и т. п.» [24, с. 22];

с) с наименованием атрибутов смерти: *ikh* (S) *hob dikh* (A) *in dr'erd* (Q) – Ты у меня в **земле**; *vi derleb ikh* (S) *dikh* (A) *shoyn bagrobn* (Q)? – Как бы мне дожить до твоих **похорон**?; *mayn* (S) *tate in dayne* (A) *yorn hot shoyn etlekh por matrikhim* (Q) *tserisn* – Мой отец в твои годы уже носил (букв. разорвал) несколько **саванов**;

д) специальные пожелания выкрену (т. е. перешедшему из иудаизма в христианство) и нееврею с наименованием атрибутов смерти: *kop in dr'erd* (Q), *fis in kloyster* (Q) – Голова – в **землю**, ноги – в **церковь**; *kop in kestil* (Q), *kestil in dr'erd* (Q) – Голова – в **ящик**, **ящик** – в **землю**.

3. Пожелание зла семье: *a klog* (C) *oyf dir un oyf dayn gantser trefener mishpokhe* (A) – **Несчастье тебе и всей твоей нечестивой семье**; *a ruekh* (C) *in dayne krooyvim* (A) –

Черт бы побрал **твоих родственников** (букв. Черт в твоих родственниках).

4. Пожелание зла как такового: *a biter mazl* (C) *oyf dir* (A)! – **Горькой доли** тебе!; *eyn umglik* (Q) *iz far dir veynik* (A) – **Одного несчастья** для тебя мало.

5. Отрицательная оценка адреса (адресат как зло для субъекта): *di klog* (C) *brengt dikh* (A) – **Несчастье** тебя принесло (букв. Несчастье тебя приносит); *di erd* (C) *nemt dikh nit tsu* (A) – **Земля тебя не приберет**; *ver es iz mir* (S) *mekane zol aleyn nit hobn* (C) – Кто завидует мне, чтоб сам **ничего не имел**.

II. Стилистические характеристики

1. Индексация адреса пожелания посредством доверительных местоимений *du* (ты) и *dayn* (твой): *du zolst gemegt zaun mit a kop kirtser* – Чтоб **ты** стал на голову ниже; *dayn neshome zol arayngeyn in a kats, un a hunt zol ir a bis ton* – Чтоб **твоя** душа вселилась (букв. вошла) в кошку, а собака ее укусила. При этом субъект, как правило, не индексируется.

2. Широкое использование лексики, называющей части тела и органы человека, что придает пожеланиям зла грубую коннотацию: *dos moyl zol zikh dir shteln ayf a zayt* – Чтоб **рот** тебе перекосило (букв. Чтоб рот у тебя повернулся в бок); *di kishkes zoln dir aroys* – Чтоб кишки у тебя повывазили.

3. Использование средств языковой игры:

а) средства для создания эффекта обманутого ожидания: *hundert hayzer zolstu hobn, in yeder hoyz hundert tsimer, in jeder tsimer tsvantsik betn, un karokhes zol dir varfn fun eyn bet in der tsveyter* – Чтоб сотню домов ты имел, в каждом из домов по сотне комнат, в каждой комнате по двадцать кроватей, и чтоб лихорадка швыряла тебя из одной комнаты в другую. Подобные фразеологические выражения-формулы Дж. Матисофф именуется термином *allo-malo-petition* (букв. пожелание зла иначе) [25, р. 71–88]. Эффект обманутого ожидания в них строится на антонимичности смыслов двух частей предложения (которое поэтому достаточно длинное по сравнению с прочими пожеланиями): первая часть по форме представляет собой благопожелание, во второй, наоборот, утверждается пожелание зла;

б) использование парафразов-библейзмов: *got zol oyf dir onshikn fun di tsen makes di beste* – Чтоб бог наслал на тебя наилучшую из десяти **казней египетских**;

с) использование формул, аннулирующих «силу только что произнесенного злого пожелания»¹⁰:

- Пожелание + формула *es zol faln in vaser / in yam arayn* – чтоб упало в воду / в море;
- Пожелание + формула *nit far mir / nit far keyn yidn / nit far keyn mentshn gezogt* – не про меня / не про еврея / не про человека будь сказано.

Подобные формулы, добавляемые к пожеланиям зла и также представляющие собой фразеологические выражения,

⁹ Guri Y. Let's hear only good news... P. 95.

¹⁰ Там же. P. 25.

связаны, в частности, с тем, что «согласно этическим нормам иудаизма, желать зла единоверцу... аморально»¹¹.

4. Синтаксическое оформление фразеологического выражения-пожелания зла преимущественно:

а) в виде оптативных предложений с модально-вспомогательным глаголом долженствования *zoln: arayntrogn zol men dikh a toytn* – Чтоб тебя внесли мертвого;

б) побудительных предложений: *vert beyde a kapore in eyn tog!* – Сгиньте оба в один день!

Заключение

Устойчивые выражения-пожелания зла следует рассматривать как фразеологические выражения, т. е. базируясь на широком понимании фразеологии. Фразеологический состав любого языка, в том числе идиша, имеет такие экстралингвистические ценностные основания, как национально-

специфические культурные, мифологические и / или религиозно обусловленные и общечеловеческие ценности и представления. Все они находят свое отражение во многих фразеологизмах, прежде всего в тех, которые описывают общечеловеческую ценностную оппозицию *добро – зло*, которая находит свою актуализацию, в частности во фразеологических пожеланиях добра и зла.

Идишские фразеологические выражения-пожелания зла отражают как тесно связанные с иудейской религией национально-специфические, так и общечеловеческие представления о добре и зле. Тем самым фразеологические выражения-пожелания зла как специфическая компонента лексики идиша мотивированы как общеизвестными, так и возможно менее известными религиозными, историческими и культурными архетипами и сюжетами.

Литература

1. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, речеповеденческих тактик и сапиентемы. М.: Индрик, 2005. 1040 с.
2. Телия В. Н. Фразеология // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 560–561.
3. Балли Ш. Французская стилистика. 2-е изд., стер. М.: УРСС, 2001. 392 с.
4. Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Виноградов В. В. Лексикология и лексикография. Избранные труды. М.: Наука, 1977. С. 140–161.
5. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. 2-е изд., перераб. М.: Высш. шк.; Дубна: Феникс, 1996. 381 с.
6. Телия В. Н. Русская фразеология: Семант., прагмат. и лингвокультурол. аспекты. М.: Языки рус. культуры, 1996. 284 с.
7. Маслова В. А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. 208 с.
8. Добровольский Д. О. Сопоставительная фразеология: межязыковая эквивалентность и проблемы перевода идиом // Рус. яз. в науч. освещении. 2011. № 2. С. 219–246.
9. Мокиенко В. М. Славянская фразеология. М.: Высш. шк., 1980. 207 с.
10. Григорьева Л. А. Фразеологическая репрезентация религиозного мира человека (на материале русского, английского и арабского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2009. 20 с.
11. Чернышева И. И. Фразеология современного немецкого языка. М.: Высш. шк., 1970. 200 с.
12. Бадер О. В. Глагольные единицы речевого этикета в современном идише, выражающие благопожелание // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 2-2. С. 19–24.
13. Мечковская Н. Б. Язык и религия. М.: ФАИР, 1998. 352 с.
14. Добро и зло // Краткая еврейская энциклопедия / гл. ред. И. Орен (Надель), М. Занд. Иерусалим: Общество по исследованию еврейских общин, 1982. Т. 2. С. 363–366.
15. Яков бен Ицхак Ашкенази. Цэна-у-Рэна. Пять книг Торы с комментариями. Берешит / под общ. ред. Б. Б. Котлермана. М.: Мосты Культуры, 2012. 474 с.
16. Кацюба Л. Б. Определение паремии (лингвистический аспект дефиниции) // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2013. Т. 10. № 1. С. 65–67.
17. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 136–137.
18. Книга жизни // Краткая еврейская энциклопедия / гл. ред. И. Орен (Надель), Н. Прат. Иерусалим: Общество по исследованию еврейских общин, 1988. Т. 4. С. 366–367.
19. Гаврин С. Г. Фразеология современного русского языка (В аспекте теории отражения). Пермь: Пермский гос. пед. ин-т, 1974. 269 с.
20. Слюсарева Н. А. Функции языка // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 564–565.
21. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. 2. изд., доп. М.: УРСС, 2002. 260 с.

¹¹ Там же. Р. 24.

22. Ветрова Э. С. Этикетные речевые единицы в сопоставительном аспекте. Донецк: ДонНУ, 2018. 399 с.
23. Торпусман А. Н. Евреи // Системы личных имен у народов мира / отв. ред. М. В. Крюков. М.: Наука, 1989. С. 115–120.
24. Потапушкин Н. А. Фразеологические единицы русского языка в лингвокультурологическом аспекте. М.: Изда-во УМУ РУДН, 2000. 123 с.
25. Matisoff J. A. Blessings, curses, hopes, and fears: psycho-ostensive expressions in Yiddish. Stanford; California: Stanford University Press, 2000. 167 p.

original article

Yiddish Phraseology: Ill Wishes

Kirill A. Shishigin ^{a, @, ID}; Kristina S. Laukhina ^a^a Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

@ schischigin-ka@rambler.ru

ID <https://orcid.org/0000-0003-1889-0665>

Received 01.12.2020. Accepted 22.12.2020.

Abstract: The present research featured Yiddish idioms of ill-wishing, which can be considered as both phraseological units and micro-texts. The study featured semantic and stylistic analysis, analysis of dictionary definitions, and the traditional descriptive method. The authors tried to answer some current issues using the case of Yiddish ill wishes. The paper focuses on cultural, mythological, religious, and universal foundations of phraseology, as well as the functions of the idioms in question. It introduces some thematic and semantic characteristics of Yiddish ill wishes, e.g. get-ill wishes, death-wishes, ill wishes per se, cursing one's family, etc., as well as their lexical and grammatical stylistic features. Yiddish ill wishes proved to form a specific component of the Yiddish lexicon, motivated by both popular and less obscure religious, historical, and cultural archetypes and scenarios. It is their external and internal form that makes these phraseological units ill wishes: stylistically and pragmatically, they represent humorous and sarcastic phraseological units of reproachful character and interjective nature. The research results can be used for further linguistic and cultural studies.

Keywords: Germanic languages, Jewish languages, phraseology, language and culture, category "good – evil", semantics, stylistics

For citation: Shishigin K. A., Laukhina K. S. Yiddish Phraseology: Ill Wishes. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(4): 1152–1159. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-4-1152-1159>

References

1. Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. *Language and culture. Three linguistic and cultural concepts: lexical background, speech-behavioral tactics, and sapienthemes*. Moscow: Indrik, 2005, 1040. (In Russ.)
2. Teliya V. N. Phraseology. *Linguistic encyclopedic dictionary*, ed. Yartseva V. N. Moscow: Sov. entsikl., 1990, 560–561. (In Russ.)
3. Bally Ch. *French style*, 2nd ed. Moscow: URSS, 2001, 392. (In Russ.)
4. Vinogradov V. V. The main types of phraseological units in Russian. *Lexicology and lexicography. Selected works*. Moscow: Nauka, 1977, 140–161. (In Russ.)
5. Kunin A. V. *Course of phraseology of modern English*. Moscow: Vyssh. shk.; Dubna: Feniks, 1996, 381. (In Russ.)
6. Teliya V. N. *Russian phraseology: Semantic, pragmatic and linguacultural aspects*. Moscow: Iazyki rus. kultury, 1996, 284. (In Russ.)
7. Maslova V. A. *Linguaculturology*. Moscow: Akademiia, 2001, 208. (In Russ.)
8. Dobrovol'skij D. O. Contrastive phraseology: cross-linguistic equivalence and translation of idioms. *Rus. iaz. v nauch. osveshchenii*, 2011, (2): 219–246. (In Russ.)
9. Mokienko V. M. *Slavic phraseology*. Moscow: Vyssh. shk., 1980, 270. (In Russ.)
10. Grigoryeva L. L. *Phraseological representation of the religious world of a person (based on the material of Russian, English, and Arabic languages)*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Kazan, 2009, 21. (In Russ.)
11. Chernysheva I. I. *Phraseology of modern German*. Moscow: Vyssh. shk., 1970, 200. (In Russ.)
12. Bader O. V. Verbal blessing formulas in modern Yiddish. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, (2-2): 19–24. (In Russ.)
13. Mechkovskaya N. B. *Language and religion*. Moscow: FAIR, 1998, 352. (In Russ.)
14. Good and evil. *Short Jewish encyclopedia*, eds. Oren (Nadel) I., Zand M. Jerusalem: Obshchestvo po issledovaniuu evreiskikh obshchin, 1982, vol. 2, 363–366. (In Russ.)

15. Yaakov ben Yitzhak Ashkenazi. *Tsena-u-Rena. Five books of the Torah with commentary. Bereshit*, ed. Kotlerman B. B. Moscow: Mosty Kultury, 2012, 474. (In Russ.)
16. Katzuba L. B. Definition of proverbs (linguistic aspect). *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*, 2013, 10(1): 65–67. (In Russ.)
17. Aroutiounova N. D. Discourse. *Linguistic encyclopedic dictionary*, ed. Yartseva V. N. Moscow: Sov. entsikl., 1990, 136–137. (In Russ.)
18. The book of life. *Short Jewish encyclopedia*, eds. Oren (Nadel) I., Prat N. Jerusalem: Obshchestvo po issledovaniiu evreiskikh obshchin, 1988, vol. 4, 366–367. (In Russ.)
19. Gavrin S. G. *Phraseology of the modern Russian language (In the aspect of the theory of reflection)*. Perm: Permskii gos. ped. in-t, 1974, 269. (In Russ.)
20. Slyusareva N. A. Language functions. *Linguistic encyclopedic dictionary*, ed. Yartseva V. N. Moscow: Sov. entsikl., 1990, 564–565. (In Russ.)
21. Volf E. M. *Functional semantic of assessment*, 2nd ed. Moscow: URSS, 2002, 260. (In Russ.)
22. Vetrova E. S. *Etiquette speech units in the comparative aspect language and religion*. Donetsk: DonNU, 2018, 399. (In Russ.)
23. Torpusman A. N. Jews. *Systems of personal names among the peoples of the world*, ed. Kryukov M. V. Moscow: Nauka, 1989, 115–120. (In Russ.)
24. Potapushkin N. A. *Phraseological units of the Russian language in the linguacultural aspect*. Moscow: Izd-vo UMM RUDN, 2000, 123. (In Russ.)
25. Matisoff J. A. *Blessings, curses, hopes, and fears: psycho-ostensive expressions in Yiddish*. Stanford; California: Stanford University Press, 2000, 167.